

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-843-848

Дата принятия рукописи в печать: 07.08.2026 г.

КАРПОВ Алексей Николаевич,
Аспирант, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
e-mail: realkarpov@gmail.com

ДЕФОРМАЦИЯ ВОЛИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: АЛГОРИТМИЧЕСКОЕ МАНИПУЛИРОВАНИЕ КАК ПОРОК ВОЛИ

Аннотация. Цифровые платформы располагают средствами систематического воздействия на принятие решения пользователем — от организации интерфейса до персонализированной эксплуатации когнитивных искажений. Статья посвящена гражданско-правовой квалификации такого воздействия. Выделены три фактора деформации воли в цифровой среде: архитектура выбора как способ организации информационной среды, когнитивные искажения как систематические отклонения восприятия и алгоритмическое манипулирование как инструмент, целенаправленно соединяющий первые два для побуждения к сделке в интересах платформы. Показано, что алгоритмическое манипулирование не охватывается действующими основаниями оспаривания: обман (ст. 179 ГК РФ) предполагает сообщение ложных сведений, тогда как манипулирование способно действовать на достоверной информации, а заблуждение (ст. 178 ГК РФ) описывает ошибку относительно существа сделки, а не порок самого процесса волеобразования. На основе сравнительно-правового анализа (Директива 2005/29/ЕС, статья 25 Регламента о цифровых услугах, статья 5 Регламента об искусственном интеллекте, а также законодательство и практика США) обоснована квалификация алгоритмического манипулирования как самостоятельного порока воли. Предложено его закрепление *de lege lata* через расширительное толкование обмана в связке с принципом добросовестности (ст. 1, 10 ГК РФ), а *de lege ferenda* — в виде специального основания оспаривания с возложением бремени добросовестности на платформу.

Ключевые слова: порок воли; деформация воли; алгоритмическое манипулирование; архитектура выбора; когнитивные искажения; темные паттерны; недействительность сделки; обман; добросовестность; цифровая платформа.

KARPOV Aleksei N.,
Postgraduate Student, St. Petersburg State University
of Economics

DEFORMATION OF WILL IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: ALGORITHMIC MANIPULATION AS A DEFECT OF WILL

Annotation. Digital platforms possess the means to systematically influence a user's decision-making, from interface design to the personalised exploitation of cognitive biases. The article addresses the civil-law qualification of such influence. Three factors of the deformation of will in the digital environment are distinguished: choice architecture as a way of organising the information environment, cognitive biases as systematic deviations of perception, and algorithmic manipulation as an instrument that purposefully combines the first two in order to induce a transaction in the platform's interest. It is shown that algorithmic manipulation is not covered by the existing grounds for challenging transactions: deceit (Article 179 of the Civil Code of the Russian Federation) presupposes the communication of false information, whereas manipulation is capable of operating on accurate information, while mistake (Article 178) describes an error as to the essence of the transaction rather than a defect in the very process of will-formation. On the basis of a comparative-legal analysis (Directive 2005/29/EC, Article 25 of the Digital Services Act, Article 5 of the Artificial Intelligence Act, as well as US law and practice), algorithmic manipulation is qualified as an independent defect of will. Its consolidation is proposed *de lege lata* through an extensive interpretation of deceit combined

with the principle of good faith (Articles 1, 10 of the Civil Code), and de lege ferenda as a special ground for challenge, with the burden of proving good faith placed on the platform.

Key words: defect of will; deformation of will; algorithmic manipulation; choice architecture; cognitive biases; dark patterns; invalidity of transaction; deceit; good faith; digital platform.

Введение

Автономия воли остается одной из несущих опор частного права: сделка обязывает постольку, поскольку выражает свободно сформированное намерение лица. Цифровая среда испытывает эту опору на прочность. Платформа, опосредующая сделку, одновременно проектирует обстановку и интерфейс, в которых пользователь принимает решение, и располагает данными о его поведении, достаточными для тонкой настройки воздействия. Возникает не информирование и не открытое убеждение, а скрытое управление выбором, внешне сохраняющее видимость свободного решения.

Зарубежная наука осмысляет это явление не первое десятилетие. Понятие «манипулирование рынком» как эксплуатацию когнитивных ограничений потребителя ввели в конце 1990-х годов, а применительно к опосредованному технологиями рынку его развил Р. Кало, описавший «цифровое рыночное манипулирование» [9]. Философско-правовое определение онлайн-манипулирования как скрытого влияния, подрывающего автономию решения, предложили Д. Сассер, Б. Ресслер и Х. Ниссенбаум [10]. В отечественной цивилистике категории воли, волеизъявления и порока воли были разработаны основательно [4; 5]. Обращается наука и к цифровой среде: исследованы правовые проблемы электронной коммерции и применение законодательства о защите прав потребителей к обороту цифрового контента [7], а также поведенческий контроль платформы над пользователем как черта складывающегося платформенного права [8]. Однако специфический феномен алгоритмического воздействия на волеобразование остается на периферии, а его соотнесение с системой пороков воли по существу не проведено.

Цель статьи — обосновать квалификацию алгоритмического манипулирования как самостоятельного порока воли и определить механизм оспаривания сделки, совершенной под его влиянием. Достижение цели предполагает решение четырех задач: во-первых, разграничить факторы деформации воли в цифровой среде — архитектуру выбора, когнитивные искажения и алгоритмическое манипулирование; во-вторых, соотнести манипулирование с обманом и заблуждением и установить пределы статей 178 и 179 ГК РФ; в-третьих, на сравнительно-правовом материале выявить складывающийся за рубежом подход к манипулятивным практикам; в-четвертых, предло-

жить механизм квалификации манипулирования de lege lata и решение de lege ferenda.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод (толкование статей 1, 10, 178 и 179 ГК РФ), сравнительно-правовой метод (право Европейского союза и Соединенных Штатов Америки) и системно-структурный метод, позволивший разграничить три фактора деформации воли и соотнести их с системой пороков воли. Выводы поведенческой экономики привлекаются как вспомогательный материал, описывающий механизм воздействия, но не подменяют его гражданско-правовую квалификацию.

Научная новизна состоит в том, что алгоритмическое манипулирование отграничено от обмана и заблуждения и обосновано как самостоятельный порок воли, поражающий не содержание представления лица о сделке, а свободу волеобразования. На этой основе предложены объективный стандарт противоправности, не требующий доказывания умысла в отношении конкретной сделки, и специальное основание оспаривания с переносом на платформу бремени доказывания добросовестности интерфейса.

1. Три фактора деформации воли в цифровой среде

Деформация воли в цифровой среде складывается из трех различных по природе факторов, которые следует развести, чтобы не смешивать механизм воздействия с инструментом.

Первый фактор — архитектура выбора. Под ней понимается способ организации информационной среды, в которой субъект принимает решение: структура подачи вариантов, их последовательность и контекст предопределяют предсказуемые поведенческие реакции, формально не ограничивая свободу выбора. Понятие восходит к концепции «подталкивания» Р. Талера и К. Санстейна, показавших, что любое представление альтернатив влияет на выбор, а потому нейтрального дизайна не существует [11]. В цифровой среде архитектура выбора материализуется в дизайне интерфейса — расположении кнопок, предзаполненных согласиях, искусственных затруднениях при отказе. Совокупность приемов, использующих дизайн во вред пользователю, получила название темных паттернов (dark patterns).

Второй фактор — когнитивные искажения. Это систематические отклонения в восприятии и оценке информации, обусловленные эвристическими механизмами мышления и приводящие к

предсказуемым ошибкам суждения. Эффект якоря, неприятие потерь, склонность к статус-кво, переоценка дефицита и срочности — устойчивые свойства мышления, описанные поведенческой экономикой. Сами по себе они не порок, а антропологическая данность. Юридически значимыми они становятся, когда другая сторона целенаправленно их эксплуатирует.

Третий фактор качественно отличается от первых двух. Архитектура выбора и когнитивные искажения суть механизмы — соответственно среды и мышления. Алгоритмическое манипулирование есть инструмент: целенаправленное использование алгоритмических систем для воздействия на принятие решения путем персонализированного управления информационным потоком, эксплуатации когнитивных искажений и применения приемов архитектуры выбора, чтобы побудить субъекта к сделке на условиях, отвечающих интересам платформы в ущерб его собственным. Отличие от классического воздействия не количественное, а структурное. Платформа обращается не к усредненному адресату; она наблюдает конкретного пользователя, выявляет его индивидуальные уязвимости и настраивает воздействие под них в реальном времени. Сассер, Ресслер и Ниссенбаум определяют такое воздействие как скрытое влияние, подрывающее способность лица к самостоятельному решению; именно скрытость отличает манипулирование от убеждения, которое апеллирует к разуму открыто [10].

2. Манипулирование и классические пороки воли: пределы статей 178 и 179 ГК РФ

Система пороков воли исходит из того, что воля либо формируется под влиянием искажающего фактора, либо неверно выражается вовне. Сделки с пороком воли оспоримы; основания их оспаривания исторически сложились вокруг типичных ситуаций — заблуждения, обмана, насилия, угрозы, кабальности [1; 3; 6]. В отечественной доктрине воля раскрыта как психический регулятивный процесс, в котором изъятию предшествуют формирование побуждений, их оценка и принятие решения [4]; порок воли, следовательно, может поражать не только итоговое изъятие, но и любой этап этого процесса. Вопрос в том, охватывает ли этот перечень алгоритмическое манипулирование.

Ближе всего к манипулированию стоит обман (ст. 179 ГК РФ). Обман есть умышленное введение лица в заблуждение относительно обстоятельств сделки, в том числе путем сообщения ложных сведений или умолчания о тех обстоятельствах, о которых сторона должна была сообщить при требуемой добросовестности. Ключевой элемент обмана — недостоверность передаваемой или

утаиваемой информации. Манипулирование же способно действовать без единого ложного факта. Платформа может сообщать правду — об остатке товара, о числе просмотров, о времени действия предложения — и тем не менее исказить решение, подбирая момент, форму и адресность подачи под выявленную уязвимость пользователя. Воздействие направлено не на знание лица, а на сам процесс обработки им достоверной информации. Подвести манипулирование под обман в его буквальном понимании поэтому затруднительно.

Заблуждение (ст. 178 ГК РФ) удалено от манипулирования еще дальше. Оно описывает несоответствие сложившегося у лица представления действительности относительно природы сделки, ее предмета или стороны. При манипулировании представление о существовании сделки может быть совершенно верным: пользователь точно понимает, что покупает и на каких условиях. Порочен не результат восприятия, а путь, которым лицо приведено к решению, — ускоренный, эмоционально нагруженный, искусственно стесненный. Заблуждение фиксирует ошибку в содержании воли, тогда как манипулирование поражает свободу ее формирования.

Отсюда промежуточный вывод: алгоритмическое манипулирование занимает зазор между обманом и заблуждением. Оно не сводится к недостоверности, как обман, и не сводится к ошибке о существовании сделки, как заблуждение, а поражает автономию волеобразования как таковую. Действующие основания оспаривания его недоохватывают, и эта неполнота требует доктринального решения.

3. Квалификация манипулирования как порока воли: *de lege lata* и *de lege ferenda*

Сравнительно-правовой опыт показывает движение к самостоятельному запрету манипулятивных практик, не сводимому к запрету обмана. Право Европейского союза квалифицирует агрессивные и вводящие в заблуждение коммерческие практики как недобросовестные (Директива 2005/29/ЕС о недобросовестных коммерческих практиках). Регламент (ЕС) 2022/2065 о цифровых услугах пошел дальше: его статья 25 запрещает поставщикам онлайн-платформ проектировать интерфейсы так, чтобы вводить в заблуждение, манипулировать или иным образом существенно искажать способность пользователей принимать свободные и осознанные решения, а сопроводительный текст прямо относит к запрещенному темные паттерны. Регламент (ЕС) 2024/1689 об искусственном интеллекте запрещает системы, использующие подсознательные, целенаправленно манипулятивные или вводящие в заблуждение приемы либо эксплуатирующие уязвимости лица и способные причинить существенный вред (статья

5). Существенно, что эти запреты не требуют ложности сведений: противоправность связывается с самим фактом искажения свободного решения.

Право Соединенных Штатов движется в том же направлении, оставаясь в рамках модели пресечения недобросовестных практик. Раздел 5 Закона о Федеральной торговой комиссии (15 U.S.C. § 45) запрещает недобросовестные и вводящие в заблуждение действия и практики; опираясь на него, Федеральная торговая комиссия в докладе «Bringing Dark Patterns to Light» (2022) прямо отнесла темные паттерны к пресекаемым практикам. Показательно, что в американской доктрине обсуждается недостаточность этого инструментария там, где воздействие не сводится к обману, — то есть именно в той зоне, которую занимает манипулирование, действующее на достоверной информации. На уровне штатов обозначается и частноправовой по характеру эффект: Калифорнийский закон о правах на неприкосновенность частной жизни (Cal. Civ. Code § 1798.140) определяет темный паттерн как интерфейс, спроектированный или используемый с существенным эффектом подрыва автономии, принятия решения или выбора пользователя, и устанавливает, что согласие, полученное с помощью темных паттернов, согласием не признается. Тем самым и в США намечается сдвиг от проверки правдивости отдельных утверждений к оценке самого воздействия на свободу решения.

Важно, однако, видеть природу этих запретов. Они принадлежат публичному регулированию: их нарушение влечет надзорные и административные последствия, но напрямую не делает совершенную под влиянием манипулирования сделку оспоримой. Частноправовое последствие в виде недействительности сделки остается вопросом национального договорного права. Это лишь усиливает аргумент: признание манипулирования противоправным на уровне регулирования само по себе не дает потерпевшему частноправового средства защиты, и российскому праву такое средство предстоит выработать самостоятельно.

Российское право специальной нормы о манипулировании при заключении сделок не содержит; сам термин «манипулирование» используется узко, применительно к рынку ценных бумаг (Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 224-ФЗ). Это не означает, что оборот беззащитен. De lege lata алгоритмическое манипулирование может быть квалифицировано через расширительное толкование обмана (ст. 179 ГК РФ) в связке с принципом добросовестности (ст. 1, 10 ГК РФ). Опорой служит уже заложенная в статье 179 конструкция обмана через умолчание: сторона отвечает за несообщение сведений, о которых

должна была сообщить при требуемой добросовестности. Если развить эту логику, недобросовестным следует признать и активное создание манипулятивной среды — целенаправленную эксплуатацию уязвимостей пользователя, даже когда сообщаемые сведения достоверны. Принцип добросовестности (п. 3 ст. 1, ст. 10 ГК РФ) дает для такого толкования нормативное основание, позволяя оценивать поведение сильной стороны не по формальной правдивости отдельных утверждений, а по совокупному эффекту на свободу решения контрагента.

Отечественная практика и законодательство уже содержат фрагменты искомого решения. Пленум Верховного Суда РФ допускает признание сделки недействительной по совокупности статей 10 и 168 ГК РФ, когда ее совершение сопряжено со злоупотреблением правом (пункты 7 и 8 постановления от 23 июня 2015 г. № 25); практика применения статей 178 и 179 ГК РФ систематизирована Президиумом ВАС РФ (информационное письмо от 10 декабря 2013 г. № 162). Дальше всего продвинулось потребительское законодательство: статья 16 Закона РФ «О защите прав потребителей» после реформы 2022 года (Федеральный закон от 1 мая 2022 г. № 135-ФЗ) объявляет недопустимые условия, ущемляющие права потребителя, ничтожными, возлагает на продавца бремя доказывания согласия потребителя на дополнительные платные товары и услуги и прямо запрещает проставление за потребителя автоматических отметок о согласии, как и формирование условий, предполагающих такое согласие изначально. По существу законодатель уже запретил конкретный манипулятивный прием интерфейса и использовал оба элемента отстаиваемой здесь конструкции — объективную оценку дизайна и перенос бремени доказывания на сильную сторону, — но сделал это точно, на уровне отдельного приема, не создав общего основания оспаривания сделки, совершенной под влиянием манипулирования.

У этой аналогии есть, однако, предел. Обман требует умысла — на необходимости его установления настаивает и практика (пункт 99 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25), — тогда как манипулятивный эффект достигается работой автоматизированной системы, и доказать направленный умысел в отношении конкретной сделки крайне трудно. Поэтому опорой должна служить не субъективная категория умысла, а объективная недобросовестность — целенаправленность самого дизайна, оцениваемая по его устройству и эффекту, а не по доказанному намерению в отношении отдельного пользователя. Расширительное толкование обма-

на этот сдвиг от умысла к объективному стандарту провести в полной мере не позволяет, оставаясь паллиативом.

Поэтому *de lege ferenda* предлагается закрепить алгоритмическое манипулирование самостоятельным основанием оспаривания. Сделка, совершенная под влиянием алгоритмического манипулирования, то есть целенаправленного использования автоматизированных систем для существенного искажения свободного волеобразования потребителя (а равно иной слабой стороны) путем эксплуатации его уязвимостей и приемов организации интерфейса, должна признаваться оспоримой по иску потерпевшего. Ограничение основания слабой стороной оправдано структурной асимметрией отношений: манипулятивный эффект достижим там, где одна сторона проектирует информационную среду и располагает данными о другой; вне такой асимметрии обычные приемы убеждения порока воли не образуют. Признак существенности отсекает обычные, неизбежные эффекты дизайна от противоправного воздействия. Ценность специального основания в двух чертах, которых расширительное толкование обмана не дает: объективном стандарте противоправности, не привязанном к доказыванию умысла, и переносе бремени доказывания добросовестности дизайна на платформу как на сторону, контролирующую среду и располагающую данными о пользователе. Так порок воли в цифровой среде получает механизм защиты, отвечающий его природе, и не растворяется ни в обмане, ни в заблуждении.

По своей природе это специальное основание недействительности, примыкающее к системе пороков воли, но адресованное слабой стороне: оно не претендует на всеобщее применение к отношениям равных субъектов, а защищает того, кто вынужденно действует в спроектированной контр-агентом среде. Защита слабой стороны признана в доктрине самостоятельным политико-правовым основанием ограничения договорной свободы [2], и предлагаемая конструкция остается в этих рамках. Место такого основания — специальная норма в общих положениях о недействительности сделок с адресацией слабой стороне, что охватывает и непотребительские случаи структурной зависимости (например, слабую сторону договора присоединения по статье 428 ГК РФ), а не только законодательство о защите прав потребителей. Последствия недействительности определяются по общим правилам: исполненное по сделке подлежит возврату (статья 167 ГК РФ), а причиненные потерпевшему убытки возмещаются платформой по модели пункта 4 статьи 179 и статьи 15 ГК РФ.

Заключение

Деформация воли в цифровой среде складывается из трех разнородных факторов: архитектуры выбора как механизма организации среды, когнитивных искажений как механизма мышления и алгоритмического манипулирования как инструмента, целенаправленно соединяющего первые два для побуждения к сделке в интересах платформы.

Алгоритмическое манипулирование не охватывается действующими основаниями оспаривания. Обман (ст. 179 ГК РФ) предполагает недостоверность сведений, тогда как манипулирование действует и на достоверной информации; заблуждение (ст. 178 ГК РФ) фиксирует ошибку о существе сделки, тогда как манипулирование поражает свободу волеобразования при верном представлении лица о сделке.

Сравнительно-правовой опыт (Директива 2005/29/ЕС, ст. 25 Регламента о цифровых услугах, ст. 5 Регламента об искусственном интеллекте; в праве США — раздел 5 Закона о Федеральной торговой комиссии и запрет темных паттернов в законодательстве штатов) подтверждает становление самостоятельного запрета манипулятивных практик, противоправность которых не зависит от ложности сведений; эти запреты, однако, носят публично-регуляторный характер и сами по себе не делают сделку оспоримой.

De lege lata алгоритмическое манипулирование может квалифицироваться через расширительное толкование обмана (ст. 179 ГК РФ) в связке с принципом добросовестности (ст. 1, 10 ГК РФ); такое толкование, опираясь на умысел, остается паллиативом.

De lege ferenda обоснованно закрепление алгоритмического манипулирования самостоятельным основанием оспаривания сделки на основе объективного стандарта недобросовестности дизайна, с признаком существенности искажения и переносом на платформу бремени доказывания добросовестности.

Теоретическое значение полученных результатов состоит в достраивании системы пороков воли применительно к цифровой среде: наряду с истинностью представления лица о сделке самостоятельную защиту получает свобода волеобразования. Практическое значение — в конструкции оспаривания, которая переносит бремя доказывания добросовестности дизайна на платформу и делает защиту потерпевшего осуществимой в условиях доказательственной асимметрии. Открытым остается операциональный критерий существенности искажения — порог, отделяющий противоправное воздействие от обычных эффектов дизайна, от которого зависят границы применения предложенного основания.

Список литературы:

- [1] Гутников О. В. Недействительные сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания. М. : Бератор-Пресс, 2003. 576 с.
- [2] Карапетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы: в 2 т. Т. 2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. М. : Статут, 2012. 453 с.
- [3] Новицкий И. Б. Сделки. Исковая давность. М. : Госюриздат, 1954. 247 с.
- [4] Ойгензихт В. А. Воля и волеизъявление (очерки теории, философии и психологии права). Душанбе : Дониш, 1983. 256 с.
- [5] Панов А. А. К вопросу о категориях воли, волеизъявления и порока воли в теории юридической сделки // Вестник гражданского права. 2011. Т. 11, № 1. С. 52–81.
- [6] Рабинович Н. В. Недействительность сделок и ее последствия. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. 171 с.
- [7] Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2016. 640 с.
- [8] Филиппова С. Ю., Харитонов Ю. С. Цифровые платформы в праве и право цифровых платформ: новые вызовы законодателю и пути их решения // Правоведение. 2025. № 1. С. 58–75.
- [9] Calo R. Digital Market Manipulation // The George Washington Law Review. 2014. Vol. 82. P. 995–1051.
- [10] Susser D., Roessler B., Nissenbaum H. Online Manipulation: Hidden Influences in a Digital World // Georgetown Law Technology Review. 2019. Vol. 4, № 1. P. 1–45.
- [11] Thaler R. H., Sunstein C. R. Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness. New Haven : Yale University Press, 2008.

References:

- [1] O.V. Gutnikov. Invalid transactions in civil law. Dispute theory and practice. M.: Berator-Press, 2003. 576 p.
- [2] Karapetov A. G., Savelyev A. I. Freedom of contract and its limits: in the 2 of T. 2: The limits of freedom to determine the terms of the contract in foreign and Russian law. M.: Statute, 2012. 453 p.
- [3] Novitsky I.B. Transactions. Statute of limitations. M.: Gosyurizdat, 1954. 247 pp.
- [4] Eugenicht V. A. Volya and expression of will (essays on theory, philosophy and psychology of law). Dushanbe: Donish, 1983. 256 s.
- [5] Panov A. A. On the question of the categories of will, will and vice of will in the theory of legal transaction // Bulletin of Civil Law. 2011. VOL. 11, NO. 1. S. 52-81.
- [6] Rabinovich N.V. Invalidity of transactions and its consequences. L.: Publishing House Leningr. University, 1960. 171 pp.
- [7] Savelyev A. I. E-commerce in Russia and abroad: legal regulation. 2nd ed., Revised and add. M.: Statute, 2016. 640 p.
- [8] Filippova S. Yu., Kharitonova Yu. S. Digital platforms in the law and the law of digital platforms: new challenges to the legislator and ways to solve them // Jurisprudence. 2025. № 1. S. 58-75.
- [9] Calo R. Digital Market Manipulation // The George Washington Law Review. 2014. Vol. 82. P. 995–1051.
- [10] Susser D., Roessler B., Nissenbaum H. Online Manipulation: Hidden Influences in a Digital World // Georgetown Law Technology Review. 2019. Vol. 4, № 1. P. 1–45.
- [11] Thaler R. H., Sunstein C. R. Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness. New Haven : Yale University Press, 2008.

